

Социологическое наследие: документы, публикации

© 1990 г.

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

ИМЕНА *

ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович - выдающийся русский ученый, философ. Редакция продолжает публикацию рукописи «Имена» из его личного архива (Начало см.: 1988, № 6, 1989, М 2-6, № 2, 4, 5 за 1990 г.).

Так, возвращаясь к именам, общечеловеческая формула о значимости имен и о связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры, устойчивая в веках и народах, ведет к необходимому признанию, что в убеждениях этого рода действительно есть что-то объективное и что человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциальных сил или силовых субстанций или энергий, имело же за собой подлинный опыт веков и народов, вылившийся в вышеуказанной форме.

Х

Это «нечто», возбуждавшее и возбуждающее внимание к именам, по-видимому, несмотря на свою повседневность, несколько расплывчато, а может быть, потому и представляется расплывчатым, как все никогда не прекращающееся, что повседневно. Хорошо известна малая доступность анализу и сознательным формулировкам слишком привычных впечатлений. Тем не менее область ономатологии доходит до сознания забронированного от нее целой системой предвзятых посылок. Но в некоторых случаях возникают именные явления, поражающие и предвзятого наблюдателя. В душе они порождают невольное ощущение своей подлинности, от которой не отделаться ссылками на случайность таких совпадений, и тогда такие события встают стражами заповедной от вторжений рационализма области. Эти стражи и невдумчивых заставляют хотя бы на мгновение задуматься и почувствовать в именах эмблемы чего-то им. непостижимого. Несколько исторических примеров, наудачу взятых, пусть пояснят дело.

По сообщению Светония [14], в патрицианском роде Клавдиев «носили разные имена и прозвища; но имя Луций было исключено с общего согласия, когда из двоих носивших это имя одного обвинили в грабеже, другого — в убийстве».

Как отметил А. М. Рылеев, «1-го Марта, после развода в Михайловском манеже, Государь (Александр II) пил чай у Великой Княгини Екатерины Михайловны, куда была приглашена

* Продолжение. Начало: см. «Соц. исслед.». 1990, № 2, 4, 5.

Княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская (Долгорукова), но не приехала. Убийство совершено на Екатерининском канале. Венчание Государя с Княжной Долгорукой происходило в 3 час. 33 мин. пополудни» [15].

Есть в истории какие-то знаменательные заторы имен и названий. Не будем придумывать им нарочитых объяснений, но не будем и отрицать их. Так, в истории Сечи отмечено: «Знаменитый кошевой Сулима взял Кодак, построенный поляками в 1663 г., и тем возобновил независимость Сечи Запорожской, а 1775 г. тюремщиком, так сказать, той же Сечи был казачий полк Сулимы» [16].

Из жизнеописания Антония (Амфитеатрова) Архиепископа Казанского: «Предвестием скорой своей кончины,— именно в 1879 г., Преосвященный Антоний, Архиепископ Казанский признавал то обстоятельство, что в ближайшее пред этим время скончались один за другим три Антония, бывший Епископ Пермский, находившийся на покое в Москве, отец наместник Троице-Сергиевской Лавры и Архиепископ Владимирский. «Вот целый ордо Антониев» переселился уже в вечность,—говорил он не один раз, и теперь прямая очередь за мною. Видишь, от Москвы так пошло чрез Владимир по дороге к Казани...» При этих словах нельзя было не видеть в нем глубокой положительной уверенности в предзнаменовании» [17]. О таких совпадениях сперва можно подумать как об искусственных сопоставлениях: что значит объединение четырех Антониев, когда за это время поумирали сотни Иванов, Петров и пр.; относительное количество таких смертей, признаваемых знаменательными, к общей смертности так ничтожно, что едва ли заслуживает внимания. Но при таких рассуждениях забывается о социальной значительности обсуждаемых смертей. Правда, много умирающих, но не много умирающих Епископов, когда и вообще-то их немного, так что почти единовременная смерть четырех, да притом одноименных, есть событие весьма мало вероятное. Следовательно, когда оно все-таки произошло, мы не можем не подумать об особых причинах, к нему приведших. Эгалитарные понятия, как бы к ним ни относиться в порядке нормативном, во всяком случае не отвечают наличной исторической действительности; хорошо это иди плохо, но строй всех существующих обществ основан на всяческих неравенствах. В силу таких неравенств, различные члены Общества имеют различные по содержанию и по объему сферы своих влияний и деятельности — различные удельные веса и коэффициенты общественной значительности. Следовательно, раз признана возможно знаменательность явлений природы или проявлений культуры, то нечего удивляться, что более выятные знамения относятся преимущественно к великим мира сего. Пусть они индивидуально и не могут быть признаны преимущественно пред другими членами общества, заслуживающими знамений, пусть

Флоренский П. А., 1933 г.

113

есть много людей, нравственно, умственно и в прочих отношениях более достойных. Но самое общественное положение— власть, влияние, признание ведь тоже факт, тоже нечто и не безразличны в мире, хотя бы и были направлены на зло; и они возникли не без причин, хотя бы эти причины и не встречали нравственного одобрения. Поэтому естественно ждать распространения тех же причин и на область знаменований, созвучного отголоска одних и тех же причин в двух параллельных планах. Может быть, представляется несправедливым, что в удел немногих выпадает не только мирская значительность, но вдобавок еще и вещи голоса знамений. Несправедливо,— но так: ни природа, ни история, ни духовность не знают справедливости —

Нет правды на земле.
Но нет ее и свьше.

Но кроме того, может быть не великие — сами виноваты, если не видят своих знамений, более скромно прячущихся в зарослях событий от посторонних взглядов, нежели общезаметные знамения людей, не принадлежащих самим себе и потому своею судьбою тесно переплетенных с судьбами всего общества. В конце концов тут — высокая целесообразность: потребное всем — и доступно *всем* заинтересованным, *всему* обществу, тогда как необходимое отдельному частному лицу и его близким — им только и приметно. Но именно потому, не имея в руках подробного описания их жизни, затруднительно посторонним рассуждать об их знамениях, и на долю исторического знания достаются преимущественно знамения *общего* значения.

Так, Герберту, впоследствии Папе Сильвестру II было дано предсказание, указывавшее стихом:

Scandit ab R gerbertus in R, post papa viget R

Герберт восходит от Р в Р, а затем Папою правит Р.

Таково предсказание; оно, как известно, сбылось; в трех ступенях возвышения Герберта — от Реймса к Равенне, а от Равенны к Риму, и только эти три кафедры занимал Герберт.

Географические местности, связанные с историческими событиями, имеют значение для всего народа, иногда даже для всего мира, поэтому естественно надеяться встретить в географических названиях знамения грядущего, как бы предчувствие самою строною будущих событий, хотя лишь после самого совершения их знаменательность географических имен становится общедоступной. Таких примеров — много.

Так, «на месте Бородинского сражения встречаются собственные имена, искони принадлежавшие этой местности, которые именно относятся к войне: речка К о л о ч а (или Колочь, т. е. от глагола колотить), на которой стоит и монастырь, получивший от нее название Колоцкого, ручей Ст о н е ц, ручей О г н и к, ручей В о й н а. Это примечательное совпадение было замечено уже давно».

Еще: «крайний предел похода французского в Калужскую губернию, от которого поворотили они назад к Смоленску, называется Спас Дрогнань. Есть сельцо Акатово-Спас — что на Прогнани. Боровского уезда, Калужской губ.»). Еще: «Наполеон I читал Оссиана. В это время у товарища его маршала Бернадотта родился сын, которого окрес-

тить и просил отец генерала Бонопарта. Занятый Оссианом, тот дал имя
О с к а р, и этому Оскару судьба привела сделаться королем Шведским»

XI

С некоторыми именами связывается в истории некоторый определенный вид общественных отношений и характер вытекающих отсюда событий. Отчасти такая историческая типология этих имен при желании может быть выводима из привычек мысли и чувства, прочно осевших на некоторое имя впоследствии исторических очень ярких совпадений, и из образовавшейся затем понятной склонности пользоваться таким именем, как лозунгом соответственного смысла. Но если бы и так, то от чего бы ни стало в сознании народов знаменательным рассматриваемое имя, оно стало таковым. Веками направлявшиеся на него мысли и чувства имели в нем точку приложения и в конечном счете усвоили имени энергию возбуждать и направлять общественные события и умонастроения в определенную сторону. Такое имя сделалось глазом бури, воронкою водоворота, возбуждающим вихревые движения в обществе, лишь только приходится иметь дело ему с этим именем. Это *minimum* признания исторической силы подобных имен. Но за ним следует и дальнейшее. Во-первых, как могло бы совершенно ничто вырасти в могущественную силу? Нам «понятен» дуб, поднимающийся из ничтожного желудя, но это потому, что мы признаем всю формообразующую мозь этого великана уже содержащейся в желуде; если же бы нам была доказана действительная бытийственная ничтожность желудя, то никогда мы не поверили бы, будто это «ничто» есть краеугольный камень, на котором держится вся совокупность жизненных проявлений дуба. Точно так же и относительно имени, как бы оно ни показалось ничтожным, возникает вопрос, что же оно — само по себе; и каков бы ни был последующий ответ, во всяком случае общий смысл его предрешен утверждением силовой реальности и потенциальной (хотя бы только потенциальной) структуры самого имени. Это во-первых, в порядке онтологическом.

А во-вторых, и эмпирический анализ таких исторических знаменательных имен, наряду с возможными привычками и вытекающей отсюда преднамеренностью в пользовании именем, как лозунгом, обнаруживает элементы, заведомо не подлежащие такому толкованию и загадочные с точки зрения индивидуальной сознательности: есть *что-то*. неразложимый психологически остаток, свидетельствующий о силе имен. <...>

Одно из таких исторических имен: Яков. От древности и до наших дней с ним, и в больших и в малых масштабах, связаны вихри, около имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. Это не бесильно сплетаемая интрига, не просто личный расчет и не черное предательство из корысти или злобы, а скорее планомерное развертывание некоторого исторического дела, увлеченный ритм истории, собранный в один фокус и попирающий все стоящее на пути. Это огонь страсти, но страсти не чувства, а воли и рассудка, и нет такого, на чтобы не покусился он, если оно попытается остановить разгоревшийся пожар. Разумеется, таково имя Яков в масштабе историческом; в личном же — оно не достигает этой грандиозности, но тем не менее определяет характер и поведение, ярко выраженные родоначальником всех Яковов — Праотцем

Иаковом. Однако сейчас мы хотим рассмотреть это имя как эмблему масштаба исторического.

«В день святого Якова (25-го июля), заменивший у чехов, вероятно, древний Перунов праздник, в некоторых местах до сего времени сохранился обычай, при особых церемониях низвергать с церковной башни, или с крыши, или из высшего окна какого-либо частного дома, жертвенного козла с позолоченными рогами, украшенного цветами. Кровь этого животного собирают, тщательно высушивают и хранят, как действительное целебное средство. Мясо его съедается собравшейся толпой, которая, по окончании этого жертвенного пира, предается увеселениям и пляскам».

Вот первые испарения крови, клубящейся около имени Якова. Они не остаются такими легкими и сгущаются в кровавые призраки.

В 1307-м году был арестован орден Тамплиеров, подготовлявший ниспровержение христианства во имя возвращенного в его недрах древнего манихейства. Вместе с религиозным переворотом подготовлялась величайшая социальная революция, имевшая перестроить облик всей Европы. Но орден был разгромлен, а великий магистр его Яков Моле был сожжен на медленном огне 18го марта 1314 года. Но, влиянием ордена, имевшего огромные связи, эта казнь была отсрочена и из тюрьмы заключенный вел широкую организационную деятельность. Плодом ее были четыре великих масонских ложи: в Неаполе — восточная, в Эдинбурге — западная, в Стокгольме — северная, в Париже — южная. Тайное общество принесло клятву вечной ненависти французскому королевскому дому и католической Церкви. Эту свою ненависть оно понесло через века [19].

От имени Моле может быть отчасти понятным пристрастие этого тайного общества ко всему, что носило имя Якова; но далеко не все совпадения тут могли зависеть от человеческих пристрастий, как бы они ни были горячи. Так ни от чьих намерений не могло зависеть имя признанного вдохновителя французских якобинцев — Жана-Жака Руссо, данное ему при крещении, ибо не за имя же Жак в нем увидели пророка якобинцев. В том самом доме на улице Платриер, в котором умер этот Жак, была основана ложа — центр якобинского движения. «Якобин и з м имел уже имя раньше того, чем главы заговора выбрали старую церковь монахов-якобитов местом для своих собраний. Их имя происходит от имени Якова — имени рокового... Старые опустошители Франции, сделавшие Жакерию, назывались «Жаками». Философ, роковые слова которого предуготовили новые жакерии, назывался «Жан-Жак о м», и тайные двигатели якобинизма клялись низвергнуть трон и алтарь на гробнице Якова Моле. Во время сентябрьских убийств, какой-то таинственный старик громадного роста, с длинной бородой, появлялся везде, где убивали священников. «Вот вам за Альбигойцев! — восклицал он; — вот вам за Тамплиеров! Вот вам за Варфоломеевскую ночь! За великих осужденных!» [20].

Он рубил направо и налево и весь был покрыт кровью с головы до ног. Борода его слипалась от крови, и он громко клялся, что он вымоет ее кровью.

Это был тот самый человек, который предложил мадемуазель де Сомбейль выпить стакан крови «за народ». После казни Людовика XVI этот самый вечный жид крови и мести поднялся на эшафот, погрузил обе руки в королевскую кровь и окропил народ, восклицая: «Народ французский! Я крещу тебя во имя Якова и Свободы!» (Элифас Леви).

<...> Одним из таких же знаменательных имен, и притом проявившихся в истории с отрицательной стороны, издавна было имя Варфоломей. Уже самая этимология имени на что-то намекает в этом смысле. Варфоломей, по-еврейски Бар-Толмай, переводится обычно чрез сын дерзновения. Разумеется, всякое имя, как и всякая способность, сама по себе, есть благо и дар Божий, а следовательно - залог некоторого духовного преуспеяния, и в этом смысле Варфоломей — указывает на дерзновенный духовный порыв. Но то - высший план имени. И на плане среднем и низшем это имя означает уже не дерзновение, а дерзость, может быть наглость, опрокидывание каких бы то ни было преград. Поэтому в низшем плане имя Варфоломей почти что равносильно *беззаконник, наглец* и т. п. Можно сказать, дар этого имени слишком высок и труден для среднего человека, и когда Варфоломей не может вознести свое дерзновение до высоты Апостола Варфоломея или Преподобного Сергия, он не остается заурядным смертным, но свои энергии направляет в сторону прямо противоположную. Тогда это бывает не просто злобою, а коварною злобою, предательством, интригою, ведущеюся не во имя чего-либо положительного, вроде чести, богатства и т. п., а действием злым по существу, злом ради зла или мишурным добром во имя подлинного зла.

Достоин внимания: Пушкин, исключительно прозорливый к значимости звука и чувствительный к тончайшим его оттенкам, вероятно вследствие именно такого своего дара, называл действующих лиц своих произведений очень проникновенно, и имена у него никогда не произвольны. Так, наиболее темное из таких лиц, духовный провокатор, соблазнитель и развратитель, столь же вкрадчивый и сладостно коварный, как и низкий и наглый, короче — сам диавол, прикинувшийся человеком, носит имя не иное, как именно Варфоломей. Явная символичность всего произведения (разумею «Уединенный домик на Васильевском»), может быть даже чрезмерная, на уравновешенный вкус Пушкина, — почему произведение и подверглось сохранению в виде «Домика в Коломне», — эта символичность побуждает особенно посчитаться с знаменательностью его имен и преимущественно — с именем главного действующего лица, пружины, двигающей всю интригу. Повторяю, этот интриган, этот предатель, этот погубитель, этот черный злодей, слишком определенно черный для совершенной эллинской ясности Пушкина, называется у него *Варфоломеем*.

Не может не наводить на размышление тот факт, что событие, и сознательно и бессознательно насыщенное знаменаниями, тоже приуроченным оказалось к рассматриваемому имени: разумею *Варфоломеевскую ночь*. Можно по-разному оценивать борьбу французского Католицизма с гугенотами. Но каков бы ни был исторический смысл этой борьбы, это событие несомненно ярко направлялось сознанием, что поставленная цель оправдывает все средства. Руководящая здесь роль - политика из политиков — кардинала Мазарини и Королевы Катерины, из рода Медичи, выделявшегося своим коварством и беззастенчивостью в средствах даже в те времена всеобщего коварства и беззастенчивости, окрасили эту ночь таким сгущенно-черным цветом предательства и вероломства, какого, кажется, не подберешь еще в летописях истории. Дело не в пролитии крови французского дворянства, не в избиении двух тысяч, а затем в провинции еще трех тысяч дворян, и ограблении других: мало ли в истории резни. Нет, особенностью этого события было действие из-за угла, вероломное нарушение клятв, притом не импровизированное, а тща-

тельно обдуманное и планомерно организованное. Следовательно, тут было предательство не гугенотов только, а и собственных святых, собственных королевских и дворянских слоев и священных обещаний. И это сплетение всего, противоположного рыцарственным и религиозным доблестям средневекового сознания, было после пристального взвешивания и долгих, по указанию некоторых исследователей — семилетних, сборов приурочено к памяти Св. Варфоломея. Нет никакого сомнения, это не было сделано без преднамеренности.

Но в особенности замечателен тот факт, что в историю эта предательская резня вошла не с названием «резни гугенотов», или «французского предательства», или, наконец, просто «события 24-го августа 1572 года», или окончательной победы над французским протестантизмом», а как «*Варфоломеевская Ночь*», Какие другие события называются в истории по именам святых, в дни памяти которых они произошли? и в особенности события мрачные? Но если такие и имеются, то очень немногочисленные. Между тем в данном случае историческое сознание выразительно подчеркивает какое-то Варфоломеевство самого события и не случайное хронологическое совпадение с этим именем, хотя конечно не вменяет предательства святому Апостолу. Чувствуется, в названии «Варфоломеевская ночь» предательское избиение сопоставлено не с памятью апостола, а с именем «Варфоломей».

А вот и параллель из истории недавнего прошлого: «14 ноября (1914 г.) русский отряд выдержал ожесточенный бой на историческом поле у монастыря Св. Варфоломея (в Турецкой Армении), где в 1896 г. было предательски вырезано 800 армян, двигавшихся из Вана в Персию с пропуском от турецкого правительства». А «18-го мая 1915 г.: известный исторический монастырь св. Варфоломея разрушен турками и курдами. Разрушая монастырь, турки старательно разбивали и уничтожали древние надписи на камнях и стенах».

Тут обращает внимание прежде всего последнее сообщение: как известно, турки всегда относятся не то с благоговением, не то с суеверным страхом к христианским храмам и редко трогают их, хотя бы поголовно избивали население. Поэтому нельзя видеть чего-то заурядного и в известном смысле естественного, когда они разрушили чтимый древний монастырь. Но около *этого* же монастыря девятнадцать лет тому назад они вероломно и бесцельно нарушили торжественный договор, заключенный вполне добровольно,— злобно спредательствовали. И тут же, за год до разрушения исторического памятника, внезапное нападение на русские войска. Знаменательное топографическое совпадение. Оно ознаменовывается еще выразительнее именем Варфоломея.

В Православной Церкви память апостола Варфоломея празднуется 25 августа; и с этим именем и днем не связывается в народном месяцеслове никаких особенных примет. На западе же память апостола, и у католиков и у протестантов, приурочена к 24 августа и ознаменована многочисленными календарными приметами. Смысл различных поговорок, польских, немецких, французских и т. д.,—тот, что этот день признается *переломным* к осени и показателем погоды на всю осень; к нему приурочивается начало озимого посева, открытие охоты, разгар уборки, снятие плодов, появление зимних заморозков и вообще поворот от лета к осени. Тут наступает холодное время, первые предвестники зимы—изморозки, утренники, лед в реках; к этому времени собираются в отлет все птицы; прекращаются и грозы, от которых после Варфоломеева дня бывает вред. С этим днем немцы связывают перемену в образе жизни

крестьян-конец полдничанью, послеобеденному сну и оставление легкой летней одежды; по их наблюдению, с этого времени уменьшаются удои коров. Таким образом, даже в странах теплых осень все более вступает в свои права, лето на исходе - чувствуется приближение зимы. Нужно при этом отметить, западные приметы на памяти святых относятся к календарю Юлианскому и сложились до Григорианской реформы. Итак, с памятью Варфоломея происходит надлом космической жизни, зимняя спячка и,— по общечеловеческим воззрениям,— смерть природы: имя Варфоломея как-то связано с представлением о смерти, разлитой в мире. А с другой стороны, издавна у французов к этому дню были приурочены сроки платежей: «St. Barthelemy paye qui doit» по старинной поговорке; иначе говоря, эти сроки денежных расчетов означают какое-то *завершение* и общественного годового круга. Во всех областях сводятся концы с концами и ликвидируется прошлое. Не это ли знаменование дня неоднократно вело в истории к попытке посчитаться за прошлое и уничтожить запутанные исторические отношения народов, партий, верочений, а может быть и наиболее давней из тяжб, Бга и дьявола, именно в память апостола Варфоломея?

ПРИМЕЧАНИЯ

14. *Светоний Транквилл*. Жизнь 12 цезарей. Изд. 2-е, СПб. 1904, Тиберий. с. 128.
15. Записки, сделанные со слов покойного г-на Александра Михайловича Рылеева, ж. «Русская Старина» 1907, т. 132, с. 728.
16. *А. Скаловский*. История новой Сечи или последнего войска Запорожского. Изд. 2-е, ч. III, Одесса 1846, с. 214, прим. I.
17. Антоний (Амфитеатров), архиепископ Казанский и Свияжский. Казань, 1885, т. 2, с. 497, прим. I.
18. *Погодин М.* Простая речь о мудрых вещах. М. 1973. и. 264-265.
19. *Максимilian Волошин*. Лики творчества. Кн. I. Изд. Аполлон. Сиб. 1914, с. 374-375, «пророки и мыслители».
20. Там же.

Публикация игумена Андроника (Трубачева) и П. В. Флоренского. Подготовка текста игумена Андроника, А. П. Мумрикова. Примечания А. П. Мумрикова.